

выше нормы'. Именные компоненты *poisson* и *eau* утрачивают свои референтные семы и за счет действия механизмов абстракции отождествления и ассоциации актуализируют сему 'свобода'. Данный пример показывает, что не все ФЕ с похожими структурами, компонентным составом и механизмами фразеологизации, т.е. образованные по одной фразеобразовательной модели, могут вступать в парадигматические отношения отождествления или противопоставления. Данный факт можно рассматривать как **проявление асимметрии**.

В. Глагольные ФЕ с компонентом – номинатом эмоции, обозначающим «смелость» и «страх».

Выделенные выше ЛСМ представлены и в данной КПП. Антонимия обусловлена семами, связанными с именными компонентами.

$$\text{ЛСМ Fv1(sv1+sn1)} \perp \text{Fv2(sv2+sn2)} \equiv \text{sv1} \Leftrightarrow \text{sv2} \wedge \text{sn1} \perp \text{sn2}$$

Сходноструктурные ФЕ *avoir courage* ('*быть мужественным*') $\perp$ *avoir peur* ('*бояться*'), *avoir grand peur* ('*сильно бояться*') вступают в антонимические отношения за счет антитезы именных компонентов – номинатов эмоций. Если рассматривать противоположность *avoir courage* $\perp$ *avoir grand peur*, то значения ФЕ отличаются также отсутствием/наличием семы 'интенсивность', связанной с адъективным компонентом *grand*. В ФЕ *avoir courage* и *avoir peur* сема 'интенсивность' характеризуется нормой, в ФЕ *avoir grand peur* эта сема выше нормы. Во французском языке аналитической форме *avoir peur* синонимически соответствует синтетическая форма глагола *craindre*. В этой связи ФЕ *craindre comme le feu* ('*бояться как огня*') также может быть отнесена к данной антонимической модели. Ее компаративный элемент вводит сему 'интенсивность – максимум'. Однако если включить ФЕ *craindre comme le feu* в данное противопоставление, то ФЕ данной модели следует отнести уже к разноструктурным антонимам.

$$\text{ЛСМ Fv1(sv1+sn1)} \perp \text{Fv2(sv2+sn2)} \equiv \text{sv1} : \text{sv2} \wedge \text{sn1} \perp \text{sn2}$$

В рамках данной модели антонимические отношения демонстрируют сходноструктурные ФЕ: *avoir courage* ('*быть мужественным*') $\perp$ *mourir de peur* ('*до смерти бояться*'), *être saisi de crainte* ('*быть охваченным страхом*'). Противопоставление основано на положительных и отрицательных антитезах именных компонентов – номинатов эмоций.

По указанной модели образованы и антонимичные ФЕ *avoir courage* ('*быть мужественным*'), $\perp$ *éprouver de l'appréhension* ('*испытывать страх*'), *mourir de peur* ('*до смерти бояться*'), *être saisi de crainte* ('*быть охваченным страхом*'), *frémir d'horreur* ('*содрагнуться от ужаса*'), *trembler de crainte* ('*дрожать от стра-*

ха'), *frémir de peur* ('*дрожать от страха*'), в значениях которых противопоставлены положительные и отрицательные антитезы именных компонентов. Вместе с тем в дифференциации участвует и сема 'интенсивность', определяющая силу 'страха'. Эта сема обусловлена как именными компонентами, так и глагольными.

Именной компонент *horreur* несет сему 'интенсивность – выше нормы', в то время как *peur* и *crainte* – 'интенсивность – норма'.

'Интенсивность – норма' характеризует ФЕ с глагольным компонентом *éprouver*; 'интенсивность – выше нормы' – ФЕ с глагольными компонентами *être saisi*, *frémir*, *trembler*; 'интенсивность – максимум' – ФЕ с глагольным компонентом *mourir*.

$$\text{ЛСМ Fv1(sv1+sn1)} \perp \text{Fv2(sv2+sn2)} \equiv \text{sv1} \perp \text{sv2} \wedge \text{sn1} \Leftrightarrow \text{sn2}$$

Наличие подобной модели не было отмечено в ФАГ 'любви/ненависти' и 'радости/грусти'. Ее особенность состоит в том, что противоположность обусловлена антитезами 'приобретение' $\perp$ 'утрата' глагольных компонентов, выполняющих не только формообразующую функцию (граммема 'действие'), но и функцию противопоставления (*prendre*, *repandre*, *rassembler* $\perp$ *perdre*):

prendre son courage à deux mains ('*осмелиться набраться смелости*'), *prendre la hardiesse* ('*взять на себя смелость*'), *ressembler tout son courage* ('*собираться с мужеством*'), *repandre courage* ('*воспринять духом*') $\perp$ *perdre courage* ('*пасть духом*').

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Глагольные фразеологические единицы с компонентами – номинатами эмоций вступают в антонимические отношения.
2. В составе ФЕ эмоции могут номинироваться как глагольным, так и именным компонентом.
3. Источником антонимии является наличие в структуре фразеологического значения сопоставляемых ФЕ противоположных положительных и отрицательных антитез, соотнесенных либо с глагольным, либо с именным компонентом, либо одновременно с глагольным и именным компонентами.
4. Фразеологической антонимии так же, как и синонимии, свойственна серийность.
5. Фразеологическая антонимия и фразеологическая синонимия выступают как две противоположные разновидности парадигматических отношений, демонстрирующие вместе с тем свои единство, взаимосвязь и взаимообусловленность.

Библиографический список

1. Гак В.Г. *Новый большой французско-русский фразеологический словарь*. Москва, Русский язык, Медиа 2000.
2. *Словарь антонимов*. Available at: <http://learnlanguagetools.com/laboratoire-crisco-consultation-du-dictionnaire/>
3. *Словарь антонимов*. Available at: <http://www.les-expressions.com>
4. Жуков В.П. *Русская фразеология*. Москва, 1986.
5. Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков*. Москва: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996.
6. Назарян А.Г. *Фразеология французского языка*. Москва: Высшая школа, 1987.
7. Соколова Г.Г., Харитонова И.В. *Фразеобразование в современном французском языке: монография*. Москва: МПГУ, 2020.
8. Харитонова И.В., Гурская Л.Н. Синонимия фразеологических единиц с компонентом – номинатом эмоции 'любовь' (на материале французского языка). *Мир науки, культуры, образования*. 2020; № 4 (83): 468 – 471.

References

1. Gak V.G. *Novy bol'shoy francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'*. Moskva, Russkij yazyk, Media 2000.
2. *Slovar' antonimov*. Available at: <http://learnlanguagetools.com/laboratoire-crisco-consultation-du-dictionnaire/>
3. *Slovar' antonimov*. Available at: <http://www.les-expressions.com>
4. Zhukov V.P. *Russkaya frazeologiya*. Moskva, 1986.
5. Kulin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka: uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov*. Moskva: Vysshaya shkola, Dubna: Izdatel'skij centr «Feniks», 1996.
6. Nazaryan A.G. *Frazeologiya francuzskogo yazyka*. Moskva: Vysshaya shkola, 1987.
7. Sokolova G.G., Haritonova I.V. *Frazeobrazovanie v sovremenno francuzskom yazyke: monografiya*. Moskva: MPGU, 2020.
8. Haritonova I.V., Gurskaya L.N. Sinonimiya frazeologicheskikh edinic s komponentom – nominatom `emocii `lyubov` (na materiale francuzskogo yazyka). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020; № 4 (83): 468 – 471.

Статья поступила в редакцию 03.04.21

УДК 81

Dambaa Sh.V., postgraduate, Tuvan State University (Kyzyl, Russia), E-mail: shenne2242@mail.ru

EXPRESSION OF TOOLS AND METHODS OF CATCHING WILD ANIMALS AND FISH IN THE TUVAN LANGUAGE: HISTORY AND MODERNITY.

Hunting and fishing play an important role in the life of Tuvans. Each hunting and fishing season has its own types and methods of hunting and fishing. A person engaged in these types of economic activities knows exactly when, where and how to hunt a particular animal, where and how to catch a particular fish. For residents of some areas of Tuva engaged in hunting and fishing, this type of economic activity is considered professional. Consequently, this layer becomes a special (professional) vocabulary. Thus, the researchers are faced with an important task of collecting and systematizing language units related to hunting and fishing vocabulary as a section of the economic culture of the Tuvans. The main purpose of this article is to analyze the vocabulary of hunting and fishing. The results of the study indicate that some tools and methods of hunting animals and catching fish existed in ancient times and have survived to the present day.

Key words: Tuvan language, vocabulary, special vocabulary, language unit, hunting, fishing, names of tools and methods of hunting animals, methods of catching fish, tools for fishing.

Ш.В. Дамбаа, аспирант, Тувинский государственный университет, г. Кызыл, E-mail: shenne2242@mail.ru

ОРУДИЯ И СПОСОБЫ ЛОВЛИ ДИКОГО ЗВЕРЯ И РЫБЫ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Охота и рыболовство в жизни тувинцев играют важную роль. В каждом охотничьем и рыболовном сезоне есть свои виды и способы охоты, ловли рыбы. Человек, занимающийся данными видами хозяйственной деятельности, точно знает, когда, где и чем охотиться на того или иного зверя, где и как поймать ту либо иную рыбу. Для жителей некоторых районов Тувы, занимающихся охотой и рыболовством, данный вид хозяйственной деятельности считается профессиональным. Следовательно, данный пласт лексики становится специальным (профессиональным), в связи с этим перед исследователями стоит важная задача сбора и систематизации языковых единиц, относящихся к охотничьей и рыболовной лексике, как раздела хозяйственной культуры тувинцев. Основная цель данной статьи – анализ лексики охоты и рыболовства. Результаты исследования свидетельствуют о том, что некоторые орудия и способы охоты на зверей и ловли рыбы существовали в глубокой древности и сохранились до настоящего времени.

Ключевые слова: тувинский язык, лексика, специальная лексика, языковая единица, охота, рыболовство, названия орудий и способов охоты на зверя, способы ловли рыбы, орудия для лова рыбы.

Охота и рыболовство были и остаются одним из традиционных занятий тувинцев. С древних времен тувинцы охотой и рыболовством кормили свою семью, зарабатывали себе на жизнь, обменивали шкуру, мясо, панты марала и струю кабарги использовали как товар. В настоящее время охота и рыболовство также остаются одним из любимейших видов хозяйственной деятельности. Тувинцы используют мясо дичи и рыбы в пищу, считая, что оно очень полезно для организма в связи с тем, что дикие животные обитают в экологически чистых местностях и питаются натуральными кормами. Следовательно, в них много витаминов и других питательных веществ.

Основной целью настоящего исследования стал сравнительный анализ названий орудий, способов охоты и ловли рыбы в древности и современности. В результате анализа собранного материала нами выявлено, что некоторые орудия и способы охоты и ловли рыбы в современное время не используются. Их сегодня заменили другие разновидности орудий и способов с новыми наименованиями. Данные виды можно подразделять на следующие три лексико-семантические группы:

- «Древние способы и орудия для ловли зверя и рыбы»;
- «Орудия и способы охоты на зверя и ловли рыбы, которые сохранились до настоящего времени»;
- «Современные орудия и способы ловли зверя и рыбы».

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе предпринята попытка сравнительного анализа названий орудий и способов, использовавшихся нашими предками для добычи дичи и рыбы, а также современные их виды. Представленный материал вносит весомый вклад в дальнейшее развитие одного из древнейших пластов лексики тувинского языка, может быть использован на занятиях по лексикологии родного языка, найти применение в проведении сравнительных исследований по лексике тюркских языков и составлении отраслевых словарей тувинского и тюркских языков.

Исследование охотничье-рыболовной лексики освещались в работах некоторых ученых-тувиноведов. Одним из первых данную лексику в тувинском языке описал этнограф С.И. Вайнштейн [1; 2; 3], в работе тувинского диалектолога З.Б. Чадамба также освещается тема охоты и рыболовства в тодзинском диалекте – одного из особенных в тувинском языке [4]. В научно-популярном издании В.К. Даржа описываются такие традиционные занятия, как охота и рыболовство тувинского народа [5].

В последние годы охотничье-рыболовной лексикой занимались В. Салчак, Б. Монгуш, Б. Баярсайхан, в работе которых, написанной на тувинском языке, рассматриваются некоторые вопросы охотничьей лексики [6], Н.Д. Сувандии, в которой автором описаны табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка [7]. Научная статья Е.М. Куулар, Н.Д. Сувандии [8] посвящена сопоставительному анализу некоторых основных групп охотничьей лексики в тувинском литературном языке и его диалекта. Лексику рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка исследовали Е.М. Куулар, Ш.Ю. Кужугет [9] и др. Но полному углубленному изучению рассматриваемая категория лексики не подвергалась.

При проведении сравнительного анализа орудий и способов охоты и рыболовства мы опирались на работу Вячеслава Даржа «Традиционные мужские занятия тувинцев» [5]. Материалы данной книги, помимо собранных нами, послужили источником для выявления древних орудий, способов добывания дичи и ловли рыбы.

Далее подробно остановимся на трех вышеуказанных лексико-семантических группах:

1. В первую группу **«Древние способы и орудия для ловли зверя и рыбы»** входят следующие названия.

Маспактаар – охота с помощью **маспак** – кулема. **Маспак** – особый вид капкана [10, с. 290]. С помощью **маспак** добывали практически всех животных в тайге. Чаще всего использовали для отлова пушных зверьков [5, с. 346].

Аялаар – охота с самострелом **ая**. **Ая** – самострел [10, с. 79]. После петельного лова это был наиболее распространенный, традиционный способ охоты. С помощью самострела охотились на всех зверей размером от соболя до лося.

Аялаар – основное средство в борьбе с хищниками. Основное поголовье волков в Туве уничтожалось с помощью самострелов. Применение самострела ограничивалось только его опасностью для людей и домашних животных. Традиционно хищников (волков) истребляли самострелами и с помощью яда.

Хораннаар – охота на хищников с помощью яда, **хоран** – яд [10, с. 484]. Данный вид охоты также применялся на волков.

Ча – ‘лук’ – один из видов охоты наших предков, т.к. в древности они сами их мастерили не только для охоты, но и в качестве снаряжения, используемого как национальный вид спортивной игры.

Чалаар – охота с помощью **ча** – ‘лука’ [10, с. 502]. Данный вид охоты считается одним из древнейших. Луки и стрелы охотники изготавливали сами.

Одним из древних видов ловли рыбы является **серээлээр** – ‘ловить острогой’ [10, с. 374], который был распространен в древние времена среди рыболовов Тожинского района.

Серээлээр – букв.: **серээ** – ‘острога, вилка’ лов рыбы острой. Трезубец **серээ** осторожно опускали в воду чуть позади рыбы и ниже по течению. Рыба всегда стоит головой против течения. Подведя под водой **серээ** на достаточно близкое расстояние и прицелившись центральным зубом в место между головой и началом верхнего плавника рыбы, коротким «тычком» поражали добычу, стараясь прижать лезвием к дну [5, с. 514].

Серээ – ‘острога, вилка’ тувинцы использовали также при охоте на зверей, чтобы поразить, добыть добычу, когда та попала на самоловы и петли.

Балык сегиртиир – букв.: ‘ловить; поймать убегающего’. Способ лова **сегиртиир** охотничьего происхождения. Тувинцы пользовались несколькими способами лова рыбы загонем. Рыбу в небольших речках «загоняли» в яму, шлепая палками по камням, затем перегораживали камнями (ветвями, дерном) место, где вода входит в протоку. Скопившуюся в ямах рыбу ловили петлями, острогами или баграми [5, с. 510]. В настоящее время данный вид почти не используется, т.к. рыбаки в основном используют современные снаряды.

Среди рыбаков также распространенным видом является ловля рыбы с помощью **тыртпа** – ‘рыболовный снаряд, крюк, крючок’ [10, с. 430].

Тыртпалаар – от слова **тырт** – ‘тянуть’, лов рыбы багром. В горных реках крупных рыб ловили так называемым орудием **тыртпа** – это металлический крючок, прикрепленный к длинной палке, напоминающий острогу.

Таким образом, древние виды и способы охоты и рыбной ловли в настоящее время почти не употребляются. Но вид рыбной ловли **серээлээр** – ‘острога, вилка’ иногда применяется рыбаками, когда они ловят крупных рыб, таких как **шортан** – ‘щука’.

2. Следующая группа **«Орудия и способы ловли зверя и рыбы, которые сохранились до настоящего времени»**.

Некоторые орудия и способы ловли зверя и рыбы использовались с древности по настоящее время, причем при охоте и рыболовстве.

Одним из древних видов является охота с **эдиски** – ‘дудка; свирель’ [10, с. 484]. В. Даржа отмечает, что вначале из бересты делали манок – **эдиски**: две сложенные пополам тонкие пластины, выполненные из утонченного слоя бересты, размером приблизительно 2 × 1 см, немного вытянутой формы. **Манок** – **эдиски** вставлялся в рот и удерживался губами. При резком выходе получался звук, напоминающий тревожный крик косуленка. Косуля оставляет своего косуленка приблизительно через каждые четыре часа днем для того, чтобы отойти на пастбище или водопой. Услышав крик (манок), она тут же бросается на зов и попадает под пулю. Охота с **эдиски** считается одним из опасных видов, т.к. «на крик» зачастую может прибежать не косуля, а медведь, волк, лиса или рысь. Поэтому охотники при помощи **эдиски** зачастую охотятся парами [5, с. 382].

Эдискилээр – охота на парнокопытных животных с помощью манка в Тоджинском районе. **Эдиски** – охотничий манок, вабик, пищик (дудочка для приманивания птицы, зверя) [10, с. 607]. Данный вид охоты по сегодняшний день используется охотниками отдаленного поселка Чазылары Тоджинского района Тувы.

Дузак – букв.: ‘петля’ – лов рыбы петлей [10, с. 182] является древним и часто употребляемым видом охоты и рыболовства. **Дузак** использовали во время охоты на пушных и мелких зверей, которого описывает в своей работе В. Даржа: «Наряду с активными формами для охоты на белку использовались различные самоловы, петли – **дузак**, давилки – **маспак**» [5, с. 458]. Петлю часто использовали для охоты на соболя. Ее обычно ставили только в местах, где через горные речки лежали стволы деревьев. Соболю по бревнам, на которых ставили сразу две петли из конского волоса, переходил с одного берега на другой. Чтобы пушной зверь не обошел западню, вокруг установленных мест втыкали в ствол ветки, но чаще для этой цели использовали уже существующие сучья, сохранившиеся

на данном бревне. На территориях западной и центральной Тувы принято ловить зайца при помощи волосной петли – *дузак*. Существовало два способа установки петли: простая петля – *дузак* и *дузак* – петля, которая поднимала пойманного зайца над землей.

Дузактаар – рыболовство с помощью петель. Петлей из конского волоса – *дузак* ловили хариуса и другую некрупную рыбу. Увидев в воде добычу, рыболовы опускали в щель между бревен петлю несколько выше по течению, чтобы оно увлекло ее и плавно подводило к рыбе. Как только петля пробиравась через жаберную щель, быстро выхватывали трофей из воды.

Существовало множество приспособлений для отлова пушных зверьков, все эти приспособления называли *какла* – капкан [10, с. 220]. Вид способа с капканом называется *какпалаар* – охота с помощью традиционных капканов. Их ставят в местах, откуда могут пробежать дикие звери для добычи пищи.

Охотничьи приемы довольно разнообразны, так как на определенного зверя понадобятся использовать разнообразие подходов и орудий. Существуют и такие способы охоты на зверя, когда используются разные приемы и действия. Это в основном касается охоты на крупных животных: *дозуг*, *кедег*, *манаг* и др.

Дозуг – засада у звериной тропы; *дозуг манаар* – 'сидеть в засаде у звериной тропы' [10, с. 167]. Этимологически связано с *дозар* '1) выходить навстречу; 2) перерезать дорогу, останавливать'. *Дозар* – люди, находящиеся в засаде у тропы, дороги [10, с. 167].

Кедег – засада [10, с. 234]. Отличие *кедег* от *дозуг* состоит в том, что *дозуг* является способом охоты, основанным на ожидании зверя у тропы в местах переходов к водопоям, солонцам, пастбищам, сезонной миграции и т.д. [5, с. 344].

Манаг – охота ожиданием в засаде [10, с. 344], от *манаар* – 'ждать, ожидание'. Обычно в местах организации засад возводят временные наземные сооружения в форме различных укрытий. Поэтому наименование засады *манаг*, прежде всего, распространяется на сооружение, в котором укрывается охотник. *Манагом* называют только наземные сооружения.

Кедеэр, *кедеп аннаар* – 'подстергать, выслеживать, подкарауливать; быть в засаде' [10, с. 235] – способ скрытого сближения со зверем на дистанцию поражения оружием. Способ скрытого сближения со зверем ползком, «по-пластунски» называется *уңгеп*, *союп кедеэр*, он является разновидностью скрадывания зверя. Обычно этим термином характеризуют крайнюю, «высокотехническую» форму сближения на дистанцию выстрела с достаточно близкого расстояния. *Кедеп аннаар* используют при обозначении охоты с подхода, когда охотник, крадучись, осторожно, движется по лесу в поисках зверя [5, с. 345].

Сүрер – 'преследовать, гнаться' [10, с. 393] – способ преследования видимого зверя верхом на коне и др. животных либо преследование на лыжах в зимнее время; «преследование гоним». Преследованием видимого зверя большим числом охотников, т.е. своеобразной коллективной разновидностью *сүрер* является охота на волков преследованием на конях – *аглаар* [5, с. 345].

Аглаар – 'загонять зверя в засаду' [10, с. 35]. Это исключительно коллективный вид охоты с привлечением относительно большого количества участников и высокой организацией. В этой связи *сүрер* называют охоту с преследованием видимого зверя, которую может осуществить один человек либо группа охотников [5, с. 345].

Истээр – отыскивать, идти по следу, преследовать по следам. Произошло от *ис* – 'след' [10, с. 210]. Идти по следам может и группа охотников, но почему-то принято «поиск зверя по следам» считать простейшим индивидуальным способом охоты. Возможно, потому, что искать по следам зверя мог каждый носитель культуры [5, с. 345].

Для ловли рыбы, где обитают немалое их количество, применяют способ *холдаар* – букв.: 'ловить или брать руками' – лов рыбы руками. Этим способом ловили некрупную рыбу, чаще всего *кадыргы* – 'хариуса', по всей Туве. Ловлей рыбы руками занимались в основном дети, для взрослых этот способ можно назвать экстремальным. *Холдаар*, возможно, один из самых древних способов рыбной ловли, и то, что он сохранился в Туве до наших дней, свидетельствует о древности корней народа [5, с. 508].

Сыырткыыш – крючок (для рыбной ловли), удочка; диал.: *кармак* – 'удочка' [10, с. 230]. Способ лова с помощью крючков назывался *сыырткыыштаар* – букв.: 'удить рыбу'.

Библиографический список

1. Вайнштейн С.И. *Тувинцы-тоджинцы*. Москва: Издательство восточной литературы, 1961.
2. Вайнштейн С.И. *Историческая этнография тувинцев*. Москва: Наука, 1972.
3. Вайнштейн С.И. *Загадочная Тува*. Москва: ООО «Домашняя газета», 2009: 55 – 62.
4. Чадамба З.Б. *Тоджинский диалект тувинского языка*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1974: 65 – 67.
5. Даржа В.К. *Традиционные мужские занятия тувинцев*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009; Т. I.
6. Салчак В.С., Монгуш Б.Б., Баярсайхан Б. *Тываларның аңгы-аңгы дугайында чамдык медээлер*. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2010.
7. Сувандии Н.Д., Куулар Е.М. Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах. *Казанская наука*. Казань, 2015: 191 – 194.
8. Куулар Е.М. Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: в 4 ч. Тамбов: Грамота, 2016; Ч. 3, № 12 (66): 125 – 127.
9. Куулар Е.М., Куужугет Ш.Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка. *Мир науки, культуры, образования*. 2013; № 3 (40): 234 – 236.
10. *Тувинско-русский словарь*. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014.

References

1. Vajnshtejn S.I. *Tuvincy-todzhincy*. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961.
2. Vajnshtejn S.I. *Istoricheskaya 'etnografiya tvincev*. Moskva: Nauka, 1972.

Самой распространенной рыболовной снастью на протяжении многих веков считается *сыырткыыш* – 'удочка', так как ей можно ловить рыбу круглогодично. В древности удочку изготавливали своими руками из ветки ивы, в настоящее время их можно приобрести в магазинах. Причем в настоящее время немалое количество народа не только мужского, ни и женского пола в качестве хобби занимается рыболовством, применяя именно такой способ. В республике даже проводятся соревнования по данному виду ловли рыбы как летом, так и зимой.

Четкилээр – лов рыбы сетью, *четки* – 'сетка' [10, с. 529]. Сеть плели из конского волоса, сплетая в одну нить до 15 – 20 волос. Обычная длина сети составляла около 20 метров, но были сети и более длинные – до 40 метров, ширина – примерно 2, реже 3 метра, ширина *четки караа* – 'ячеек', букв.: 'глаз сетки' – колебалась от 3 до 5 см. Поплавки – *четки чекпези*, букв.: 'пробка сети' из дерева или бересты – прикрепляли к пропущенной через всю сеть по верхнему краю веревки [2, с. 224].

Современные рыболовы приобретают готовые *четки* – 'сети' в магазинах. Четки используются в основном на озерах, где течение несильное.

В данную группу входят самые распространенные орудия и способы охотничьего рыболовства. Следовательно, они использовались охотниками и рыболовами как в глубокой древности, так и до настоящего времени не растратили своей значимости.

3. Третья группа называется *«Современные орудия и способы ловли зверя и рыбы»*.

Сегодня существует большой выбор охотничьих и рыболовных снастей и предметов. Их можно приобрести в специализированных магазинах. Современные принадлежности охотника и рыболова стали практичными, соответственно, каждый из них имеет свои наименования.

Боо – 'ружье' [10, с. 111] – один из самых распространенных орудий охоты. Существуют различные виды охотничьего ружья, начиная с резного до гладкоствольного, использовавшиеся с древности. К ним относятся *дүүрөг* – дробовик – один из древнейших и употребляемых видов ружья, которых наши предки приобретали за высокую цену в виде коровы за одно ружье.

Боолаар – охота с помощью ружья. Существуют разные виды охотничьего ружья, начиная с резного до гладкоствольного.

Араалыг боо – нарезное ружье [10, с. 64].

Дүүрөг – дробовик [10, с. 191].

Спинкалаар – букв.: 'ловля рыбы спиннингом' [10, с. 387]. Рыбалка со спиннингом в настоящее время стала одним из популярных видов рыболовства.

Салдаыр – букв.: от слова *салдаар* – 'плавать на поверхности воды' [10, с. 364] – лов рыбы торпедой. Торпеда – это приспособление для рыбалки сетями в зимний период.

В настоящее время существуют и незаконные виды охоты, такие как *чырыдар* – букв.: 'светить' [10, с. 558] – охота на парнокопытных животных с помощью прожектора или фонаря. Если во время данного вида охоты нарушителям встречаются егери – сотрудники охотничьего хозяйства, то им будет наложен штраф. Сами охотники этот вид охоты объясняют тем, что добывали пищу и признаются, что заранее попросили у «хозяина тайги» добычу.

Таким образом, в данном исследовании перечислены основные орудия и способы охоты на зверя и добычи рыбы, их применение на практике. В статье рассмотрены три основных группы орудий и способов охоты и рыболовства.

1. В первой группе приведены примеры древних способов и орудий для ловли зверя и рыбы. Данные орудия и способы утратили свою функциональность, так как на изготовление древних видов орудий уходит много времени и требуется наличие опыта. Их заменили новые, практичные орудия и способы.

2. Во второй группе встречается наибольшее количество примеров, которые являются проверенными веками способами охоты и рыболовства, причем они используются с древности по настоящее время.

3. Названия современных орудий и способов ловли зверя и рыбы в основном заимствованы из русского языка, но с некоторыми фонетическими трансформациями в соответствии с орфоэпией тувинского языка.

3. Vajnshtejn S.I. *Zagadochnaya Tuva*. Moskva: OOO «Domashnyaya gazeta», 2009: 55 – 62.
4. Chadamba Z.B. *Todzhinskij dialekt tuvinskogo yazyka*. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974: 65 – 67.
5. Darzha V.K. *Tradicionnye muzhskie zanyatiya tuvincev*. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009; T. I.
6. Salchak V.S., Mongush B.B., Bayarsajhan B. *Tyvallynyň aňnyr azhyt-agyj dugajynda chamdyk med'e'eler*. Kyzyl: Tipografiya KCO «Anyrak», 2010.
7. Suvandil N.D., Kuular E.M. Ohotnich'ya leksika v tuvinskom yazyke i ego dialektah. *Kazanskaya nauka*. Kazan', 2015: 191 – 194.
8. Kuular E.M. Leksika tradicionnyh orudij i sposobov lovliv v dialektah tuvinskogo yazyka. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*: v 4 ch. Tambov: Gramota, 2016; Ch. 3, № 12 (66): 125 – 127.
9. Kuular E.M., Kuzhuget Sh.Yu. Leksika rybolovstva v tere-hol'skom dialekte tuvinskogo yazyka. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013; № 3 (40): 234 – 236.
10. *Tuvinsko-russkij slovar'*. Kyzyl: OAO «Tyvapoligraf», 2014.

Статья поступила в редакцию 04.04.21

УДК 82

Gadziahmedova M.Kh., senior lecturer, Department of Literatures of Peoples of Dagestan, Dagestan State University (Makhachkala, Russia),

E-mail: margana68@mail.ru

Abdulhalilova P.A., MA student, Department of Literatures of Peoples of Dagestan, Dagestan State University (Makhachkala, Russia),

E-mail: graf66707@mail.ru

VICES OF MODERN SOCIETY IN AISHAT MALACHIEVA'S SATIRES. The article analyzes satires of the modern Avar poet Ai-shat Malachieva, directed against the injustice and vices of modern society: cruelty, stupidity, predation, hypocrisy, immorality, etc. The author notes the poetess' acute experience of the moral disintegration of society, the loss of high value orientations, and the change in the scale of values. Revealing all aspects of these problems – from everyday life to Being, from concrete locality to universal scales, Malachieva's satires embody both a critical assessment of the state of society and the search for the causes of the collapse of the "sad time". Basically, the analysis of reality is carried out by stringing on the end-to-end intonation of civil pain an evaluative, negative list of the complex of negativity, the reasons that raise the question: "How to love such homeland? Why should I bow my head to her?" This list contains locally specific names of components and branches of evil, or their metaphorical names, or associative-comparative characteristics. The main reason for the collapse of the society, according to the poetess, are no will to talk, the low level of civil consciousness of society. The poetess speaks of the need to purposefully shape the political, social, and moral climate of the time.

Key words: Avar literature, satire, lyrical experience, poetic imagery, vices of society.

М.Х. Гаджихмедова, доц., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: margana68@mail.ru

П.А. Абдулжалилова, магистрант, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, E-mail: graf66707@mail.ru

ПОРОКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В САТИРАХ АЙШАТ МАЛАЧИЕВОЙ

В статье анализируются сатиры современной аварской поэтессы Айшат Малачиевой, направленные против несправедливости и пороков современного общества: жестокости, глупости, хищничества, лицемерия, безнравственности и т.п. Автор отмечает обостренное переживание поэтессой нравственного разложения общества, потери высоких ценностных ориентиров, смены шкалы ценностей. Выявляя все стороны этих проблем – от быта до Бытия, от конкретной локальности до вселенских масштабов, сатиры Малачиевой воплощают и критическую оценку состояния общества, и поиски причин краха «печального времени». В основном анализ реальности проводится путем нанизывания на сквозную интонацию гражданской боли перечня причин, которые вызывают вопросы: «Как любить такую родину? За что перед ней голову склонять?» Перечень этот содержит локально-конкретные названия компонентов и ответвлений зла или их метафорические названия, или ассоциативно-сопоставительную характеристику. Главной причиной развала общества поэтесса считает молчание, низкий уровень гражданского сознания общества и говорит о необходимости целенаправленно формировать политический, социальный, нравственный климат времени.

Ключевые слова: аварская литература, сатира, лирическое переживание, поэтическая образность, пороки общества.

В современной аварской поэзии ощутимым стал метод и стилистика сатирического, назидательно-обличительного направления, сопровождаемого дидактическим вызыванием к человеческой совести и гражданскому сознанию горца. Компонентами стилистики стали метафорическое, ассоциативно-сопоставительное обозначение зла, способы проклинаний и хуления, обобщенная символика.

В этой разновидности поэзии основная мелодическая основа стиха обретает публицистическую направленность. Критическая направленность звучит как ораторская речь, обращенная к сознанию читателя, народа. Пафос критицизма делает поэзию мыслей более гражданской, социально выраженной. Она продолжает развешивать традиции критической оценки, сложившиеся в аварской поэзии в XX веке [1 – 5].

В этой связи особый интерес представляет творчество современной аварской поэтессы Айшат Малачиевой. Масштабы сатиры Айшат Малачиевой чрезвычайно широки, в объекте ее обличения явления типичные, наиболее характерные для нашей действительности, персонажи самых различных общественных измерений, лица асоциальные, антиобщественные. Создавая сатирически яркие и выразительные образы карьеристов, работников торговли, правоохранительных органов, воров, лжецов и т. д., утрируя и доводя до абсурда их хищнические устремления, поэтесса зеркально отразила окружающую её действительность, представила общество, где продажность, низость, открытой преступностью беззащитно попираются высшие жизненные ценности – правда, гуманность, красота, добро, где отсутствуют гражданские, духовные, нравственные, эстетические идеалы.

Неустроенности жизни, безнравственности времени и состоянию души в этом мире посвящены ее произведения «Здоровье, убитое лекарствами», «В развалины мир превратился», «Зачем прилетела, весенняя птичка?», «Если б появился человек», «Вот дома моего аула, и на окраине аула – кладбище», «Акушер-гинеколог», «Солнце, скрытое тучами» и т.д.

Интересно поэтической образностью и движением мыслей, душевных порывов ее стихотворение «Зачем прилетела, весенняя птичка?». Все пережи-

вания, тонкие порывы вызваны болью за состояние современного общества. Художественный разворот мыслей и переживаний, строй лирических ламентаций строится вокруг стержневой идеи – жить стало настолько тяжело, что даже вестница весны не приносит радости сердцу человека. Основная интонация, в пределах которой реагирует художественное сознание, – печаль, грусть, отчаяние, несогласие. Идет постоянный и тяжелый поиск причин, по которым жизнь стала в такой степени трагичной, беспросветной: «Человек плотает гнев от того, что у него ничего не осталось, ни поля, чтобы птичка приземлилась, нет кустика дерева», то есть ничего святого не осталось в жизни, в душе, разрушено высокое духовное начало человека и общества, то основное качество, которое некому отнять у «разжиревшего» и вернуть:

Разве богатый отнятое мне вернет?

Разжиревшими взятое разве вернешь?

Все скопление зла в обществе вызывает у человека такое состояние души, что в ней он не может видеть радость. Поэтесса обращается к весенней птичке с просьбой не обижаться, что она перед ней закрывает окно, то есть душа не способна положительно реагировать. Особую силу обретает прием обратного осмысления смыслоносущих формул жизни:

«Габурасе бугин» ахли балеб хлнчл,
«Гьабичесе гьечин» чирчидулб мун,
Гьанже кечл хисизе кин мун ургичлб...
«Бикьичесе гьечин» кин рагуларб,
«Бахьичесе шьечин» кин ахлдоларб,
«Яхл бугес босичин» шай абуларб?..
Хлакимабаз гьерсил сур пулб бугин,
Депутатаз дунял багьарун бугин...

Птичка, вызвавшая, что «есть для того, кто работает»,
Ты, чирикавшая, что «нет для того, кто не трудится»,
Как не догадалась песню сменить...